

с. 1.

ФЕЛЬТОНЪ.

Замѣтки читателя.

(Продолженіе). *)

II.

Нарушенныхъ беллетристическихъ произведе-
ній, появившихся въ прошломъ году, долго
выясняться вамъ не приходится.

Изъ интереснѣйшихъ изъ нихъ былъ ро-
манъ Роборыкина «Тяга», о которомъ у насъ
говорено въ свое время. Въ «Рус. Бог.»
печатались «Свѣтлый лучъ» г. Потапенко
и «Высокий слогъ», угасть, не
имѣя ничего къ славіи нашего плодови-
теля, не смотря на всю вычур-
ность нѣкоторыхъ сюжетовъ и героя изъ пси-
хической клиники. Впрочемъ, такова об-
щая черта послѣднихъ произведеній
Роборыкина—чѣмъ больше онъ пишетъ, чѣмъ
менше претензій обнаруживаетъ, тѣмъ мень-
ше выпадаютъ ему на долю. Это что
такое! Въ «Рус. Мысли» таянуся въ
нѣсколькихъ мѣсяцахъ «Возвратъ»
Роборыкина, озаглавленный иначе «Романъ
о жизни и настроеніи» (какъ будто могутъ
быть неподвижны, устойчивы, шальные или
нѣжные настроенія?). Отмѣнно скучный,
длиннѣйшимъ описаніями, романъ
повѣствовалъ о томъ, какъ одна дама
въ юности, познакомившись опро-
сая и снѣвшись съ народомъ, вернулась въ
свой кругъ.

Угасшую каминную, опоздавшую явиться
на свиданіе, когда она могла еще по-
казаться нѣсколько правдоподобной, поглотить
нѣсколькимъ Лета, какъ и всю прочую
беллетристическую труду, какою пополнялись
толстые журналы въ тѣхъ видахъ, что-
бы подписчики опредѣленное число
страницъ. Даже Сенкевичъ, романы котораго
въ догматѣ, «Семейство Половецкихъ»,
и «Грешныя» служили истиннымъ украше-
ніемъ «Русской Мысли», сплосканы въ
этомъ году. Его «Крестоносцы» написаны

и. Приб. Листъ. № 6.

въ прежней дубочной манерѣ того періода его
творчества, къ которому принадлежатъ «Огнемъ
и мечомъ» и «Потопъ». Нѣмецкіе рыцари—
крестоносцы изображаются Сенкевичемъ тру-
сами и отявленными негодами, тогда какъ
для подвиговъ мазовецкихъ героев авторъ не
жалѣетъ сусального золота и патоки. Стано-
вится просто совѣстно за талантливаго автора,
просматривая эту антихудожественную мазию;
повидимому, она нагнала скуку и на переводчи-
ка, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ номе-
рахъ журнала «Крестоносцы» совсѣмъ не
появлялись, и окончаніе ихъ обѣщается лишь
въ текущемъ году.

Самое значительное и цѣнное, чѣмъ подари-
лъ намъ канувшій въ вѣчность годъ, это
небольшіе повѣсти Чехова и Короленко. Повѣсти
«маленькіе золотники, да дорогъ», эти коротенькія
вещицы, умѣщающіяся въ какомъ нибудь де-
сяткѣ страничекъ, говорятъ уну и сердцу
больше, чѣмъ цѣлыя томы другихъ бытописа-
телей.

Рѣдкій талантъ Чехова за послѣднее
время какъ бы вступилъ въ новую фазу. Та-
же яркость, блескъ, удивительное разнообразіе
красокъ на его палитрѣ, но содержаніе худо-
жественныхъ картинъ стало глубже, захватыва-
етъ насъ съ той силой и неотразимой
властью, какая до сихъ поръ была свойственна
одному лишь «вѣстателю думъ» Л. Толстому.
Съ безстрашіемъ хирурга подходитъ Чеховъ
къ самымъ болѣзненнымъ мѣстамъ нашей жизни,
подвергаетъ ихъ безпощадному анализу, и то,
что всѣмъ смутно чувствовалось, вдругъ обна-
жается въ опредѣленный образъ, получаетъ
толкованіе и объясненіе.

Прежде Чеховъ, при всемъ своемъ громад-
номъ талантѣ, какъ то скользилъ по поверх-
ности русской жизни; нынѣ онъ со страстнымъ
вниманіемъ всматривается въ нее, и наши
«проклятые вопросы» мучительно волнуютъ
его. Утративъ прежнюю объективность, гра-
ничившую иногда съ равнодушіемъ, онъ при-
обрѣлъ даръ проникновенія, ту особенную чут-
кую прозорливость, которая есть удѣлъ избран-
ныхъ талантовъ. Вслѣдствіе этого почти каж-
дое новое произведеніе Чехова освѣщаетъ

какую нибудь сторону жизни современнаго
общества.

Взять хотя бы его «Человѣка въ футлярѣ».
Кому изъ русскихъ людей не знакомо было
явленіе, изображенное Чеховымъ. сколько разъ
встрѣчались попытки изобразить его въ худо-
жественной литературѣ, но онъ первый
придалъ этой темѣ такое широкое обществен-
ное значеніе. Чеховъ создалъ типъ, кото-
рый дастъ будущему историку ключъ къ ура-
зумнѣйшей цѣлой полосѣ русской жизни. «Человѣкъ
въ футлярѣ» ставитъ современнаго
человѣка въ нѣпріятнѣйшія отношенія къ
такимъ же нѣпріятнѣйшимъ именамъ, какъ
«Рыцарь на часъ», Рудинъ, Чацкій и др. без-
смертные типы русской литературы.

Такихъ людей, какъ герой Чехова, мы
встрѣчаемъ на каждомъ шагѣ, да и сами.—
что грѣха таить—въ той или иной степени
приходимъ имъ сродни. Только уяснить
себѣ это явленіе мы не умѣли, не знали
даже, какъ назвать его. Чеховъ наложилъ это
слово, вложивъ перстъ въ наши раны. Слю-
бо это—футлярные люди, футлярная жизнь,
футлярное поколѣніе...

Больные сыны большой эпохи мы вывели
себя знаменемъ «Наше время не время ши-
рокихъ задачъ» и, заправивъ подъ этотъ
истрепанный доскутъ свои головы, какъ
страусъ подъ крыло, старались быть
тише воды, ниже травы, подавить
всѣ личные порывы, забивались въ
свои мурья и, чтобы уйти подальше отъ
дѣйствительности, отъ злобы міра сего, закупо-
ривали себя уши ватой.

Что создало такое настроеніе въ современ-
номъ поколѣніи—на это достаточно ясно отвѣ-
чаетъ Чеховскій рассказъ; но, говоря по со-
вѣсти, сваливать это настроеніе исключительно
на внѣшнія условія было бы несправедливо и
малоудушно.

«Зрѣеть и крѣпнѣть душа подъ грозой» —
тяжелыя жизненные условія воспитываютъ
характеръ, въ борьбѣ закаляется мягкость —
таково общее правило. У русскаго же интел-
лигента, безвольнаго, дряблага, нервнаго, всегда
сидѣла въ крови трусость передъ жизнью,
стремленіе спрятаться въ футляръ, окаринать

себя крылья. Припомните хотя бы, напр., «унывающих себя» героев Достоевского, галерею типов Хвощинской или Рудина с его отвѣтом Натальѣ: «Что дѣлать? Покориться».

«Тираспольскіе фанатики, зарывшіеся въ землю изъ страха передъ жизнью — явленіе, свойственное исключительно русской жизни. Когда извѣстіе объ этомъ происшествіи облетѣло міръ, англичане не могли въ толкъ взять какъ это случилось, и до сихъ поръ кажется не повѣрили, что люди могли сами себя закопать, по собственному почину.

А между тѣмъ у насъ среди самаго цвѣта интеллигенціи встрѣчаются такіе гробокопатели.

Невозможно припоминается одинъ вечеръ въ бышемъ слѣб. Комитетѣ грамотности, тотъ памятный декабрьскій вечеръ 1893 года, когда рѣшался вопросъ о призваніи къ устройству бесплатныхъ народныхъ читальнь-библиотекъ. Теперь эти читальни широко раскинулись по лицу матушки Россіи и стали прочно; — починъ комитета далъ неслышанно блестящіе результаты.

Но въ ту пору, когда былъ поднятъ вопросъ, дѣло обстоило совершенно иначе.

Не тысячи читателей насчитывались, какъ теперь, а на всю Россію имѣлось ихъ 6—7, и даже лица, близко стоящія къ педагогической дѣятельности, далеко не всѣ знали о существованіи циркуляровъ, разрѣшающихъ существованіе такихъ читальнь.

Быть можетъ дѣло и до сихъ поръ оставалось бы въ такомъ печальномъ положеніи, если бы среди членовъ Комитета не нашлось людей искренно, а не формально только, преданныхъ дѣлу просвѣщенія. Сдѣлаю было предложеніе: внести въ смѣту Комитета на будущій годъ 25000 на открытіе 100 бесплатныхъ читальнь, и для пополненія этой суммы начать сборъ по всей Россіи.

Батюшки! Какое смятеніе вызвало это предложеніе. Зага веполошилась какъ потревоженный муравейникъ, изъ устъ комитетскихъ демосееновъ полились краснорѣчивыя тирады, доказывавшія, что такое предложеніе — сущее безуміе. «Надо быть дѣтски наивнымъ, чтобы рассчитывать собрать въ Россіи на про-

свѣтительныя цѣли двадцать пять тысячъ!» «Народная читальня съ книгами на сумму 250 руб. — непозволительная роскошь. Откуда возьмутся средства на содержаніе такихъ читальнь? Гдѣ взять людей, чтобы оборудовать это колоссальное дѣло, составить уставы, каталоги, хлопотать о разрѣшеніяхъ и т. д.» Такъ вопіяли футлярные люди, перетрусившіе крупнаго начинанія не меньше, чѣмъ московскія купчихи жупела.

И замѣчательнѣе всего, что ахала и «пужалась» больше молодежь (въ томъ числѣ и вожаки нынѣшняго марксизма, тогда еще не успѣвшіе украситьсь лаврами), и такое уныніе навело эти карканы и запугиванія, что чуть не похоронили подъ спудъ хорошее дѣло; къ счастью, собраніе пристыдило одинъ почтенный дѣлатель стараго закала. «Господа! зачѣмъ вамъ самимъ накладывать на себя путы? Если вамъ суждено разочароваться, пусть иная разочаруетъ суровая дѣйствительность!» воскликнулъ онъ въ заключеніе своей пламенной, негодующей рѣчи, и эти слова рѣшили участь предложенія. Народныя читальни были призваны къ жизни, блестящіе результаты затѣяннаго крупнаго дѣла посрамили всѣ опасенія футлярныхъ людей.

И во множествѣ случаевъ современные люди накладываютъ сами на себя такіе путы, хотя ихъ никто объ этомъ не проситъ, и они смѣло могли бы ходить съ поднятой головой, а не трусливо пресмыкаться, прячась въ свой футляръ какъ черепаха.

Конечно, никто не станетъ отрицать, что, къ сожалѣнію, современная жизнь особенно благопріятствуетъ развитію такого жалкаго типа: всякому овощу свое время.

И. Чуровской.

(Окончано будетъ).